

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. П. ВОЛОДИН

К ВОПРОСУ ОБ ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале ительменского языка)

0. Чукотско-камчатские языки характеризуются как языки эргативного строя: при наличии двух типов спряжения глагола — непереходного (иначе: субъектного) и переходного (иначе: субъектно-объектного) — субъект действия в предложении с переходным глаголом оформляется косвенным (эрг.-твор.) падежом, а объект действия — прямым (абс. или им.) падежом, так же, как субъект в предложении с непереходным глаголом. Конструкция предложения с непереходным глаголом традиционно называется номинативной, конструкция предложения с переходным глаголом — эргативной. В специальной литературе утверждается, что эргативная конструкция ительменского языка обладает теми же структурными признаками, что и в других чукотско-камчатских языках; отличие состоит лишь в том, что субъект действия в эргативной конструкции ительменского языка оформляется не твор., а местн. падежом¹.

Позднее обнаружилось, что эргативная конструкция с субъектом действия в местн. падеже крайне редко встречается как в текстах, так и в разговорной речи. Продуктивной конструкцией предложения с переходным глаголом в ительменском оказалась так называемая «абсолютная конструкция» (когда и субъект, и объект действия одинаково выражаются абс. падежом). Это заставляло характеризовать эргативную конструкцию в ительменском как «пережиточную», однако вопрос о том, каково соотношение абсолютной и эргативной конструкций, какова их дистрибуция, не получил удовлетворительного ответа².

Новые, впервые обнаруженные явления ительменской грамматики позволяют, как кажется, ответить на этот вопрос.

1. Любой глагол субъектного спряжения в чукотско-камчатских языках порождает предложение номинативной конструкции (субъект выражен абс. падежом). В чукотском языке: 1) *Мури мытэкэтыркын майңываамэты* «Мы отправляемся к большой реке»; 2) *Тумгыт егтэлэгэ́т* «Товарищи спаслись». В корякском языке: 3) *Мую мытковэталлаң нымэлг'эв*, «Мы работаем хорошо»; 4) *Қайкмиңын кудейгучев'ңың школак* «Ребенок учится в школе». В ительменском языке: 5) *Кэ́мма тл'аскичен т'ет'еманк к'ел'чукит* «Я сижу в дыму из-за комаров», 6) *Т'салай ил'ен т'ал'касч шуэшаланке* «Лиса ушла подальше в кусты».

¹ С. Н. Стебницкий, Ительменский язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934.

² См.: А. П. Володин, Способы выражения субъектно-объектных отношений в ительменском языке, сб. «Языки и фольклор народов сибирского Севера», М.—Л., 1966; е го же, Эргативная конструкция в ительменском языке, сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов», Л., 1967.

Любой глагол субъектно-объектного спряжения в чукотском и корякском языках порождает предложение эргативной конструкции (субъект выражен твор.-эрг. падежом, объект — абс. падежом). В чукотском языке: 7) *Моргынан мытлыунат рыркат* «Мы увидели моржей»; 8) *Тумгэ нантыватын купрэн* «Товарищи поставили сеть». В корякском языке: 9) *Мочгынан мыччаё'ыцын тэнмытэн* «Мы выполним план»; 10) *Кайыкмиңынак экиннин каликал* «Ребенок взял книгу». В ительменском языке любой глагол I и II субъектно-объектного спряжения порождает предложение абсолютной конструкции (как субъект, так и объект выражены абс. падежом): 11) *Кэмма тл'иннучен тхлочх силқайл'* «Я накормил старуху толкушей» (глагол I субъектно-объектного спряжения); 12) *Т'салай тхалнен тхалтхал* «Лиса съела мясо» (глагол I субъектно-объектного спряжения); 13) *Т'салай энкчиңнен мин'л'* «Лиса поймала зайца» (глагол II субъектно-объектного спряжения). Ни один глагол, взятый в какой-либо из личных форм субъектно-объектного спряжения (независимо от времени и вида), не порождает в ительменском предложения эргативной конструкции (с субъектом действия в местн. падеже).

2. Во всех чукотско-камчатских языках, включая ительменский, порядок слов относительно свободный, так как синтаксическая функция слова добавочно выражается средствами морфологии. Личная форма глагола всегда однозначно указывает, кто является деятелем и на кого (на что) направлено действие. Однако в ительменском, поскольку субъектно-объектный глагол порождает предложения абсолютной конструкции, имеется случай, когда порядок слов приобретает значимость. Это происходит при совпадении лица (и числа) субъекта и объекта действия, т. е. в 3-м лице: 14) *Исх ан'чпнен п'еч* «Отец выучил сына». В этом случае субъект всегда занимает место перед объектом действия; перемена их мест связана с переменной их функции и, следовательно, смысла всего предложения: 15) *П'еч ан'чпнен исх* «Сын выучил отца»³.

Эксперименты показали, что элиминация одного из имен в абс. падеже дает эллиптическую конструкцию, в которой оставшееся имя всегда будет выражать субъект действия: 14а) *Исх ан'чпнен* «Отец выучил» (но не «отца выучили»); 15а) *П'еч ан'чпнен* «Сын выучил» (но не «сына выучили»).

Элиминация слова *т'салай* из (13) вообще разрушает смысл: *тхалнен тхалтхал* «*мясо съело (кого-то)». Таким образом, имя в абс. падеже (если оно одно) при субъектно-объектном глаголе всегда обозначает субъект действия. Это резко отличает ительменский от других чукотско-камчатских языков, где имя в абс. падеже при субъектно-объектном глаголе всегда обозначает объект действия.

Однако по-ительменски возможна конструкция типа «сына выучили». Объект действия при этом, как и в других чукотско-камчатских языках, выражается абс. падежом. Меняется оформление глагола: 16) *П'еч нан'чпчен* «Сына выучили», ср. (14) и (15).

При таком оформлении глагола имя в абс. падеже всегда обозначает объект действия, и место его относительно глагола не фиксировано: 17) *Тхалтхал нтхалчен* «Мясо съели», ср. (12); 18) *Мин'л' нэнккичен* «Зайца поймали», ср. (13).

Примеры (16) — (18) представляют собой вполне законченные предложения. Однако в случае актуализации субъекта он может быть введен в структуру. При этом субъект оформляется местн. падежом с показателем *-енк ~ -анк*: 19) *П'еч нан'чпчен исхенк* «Сына выучил отец», ср. (16);

³ Значимость в данном случае имеет только позиция субъекта относительно объекта действия; по отношению к глаголу они могут занимать любое место.

20) *T'salaienk tɬaltɬal ntɬalɬen* «Лиса мясо съела», ср. (17); 21) *Min'-a' t'salaienk nɛnkɛɬen* «Зайца лиса поймала», ср. (18).

В примерах (19) — (21) порядок слов свободный: имя, обозначающее субъект, и имя, обозначающее объект действия, оформлены разными падежами⁴. Подчеркнем, что субъект оформлен косвенным падежом, а объект — прямым. Иначе говоря, перед нами примеры предложений «эргативной» конструкции, совершенно аналогичные по оформлению тем примерам, которые приводит С. Н. Стебницкий⁵, говоря о «наиболее характерной черте синтаксиса» ительменского языка (к сожалению, в кратком синтаксическом разделе его статьи приведены только следующие три примера: 22) *Ksxoenk nɛalsɬ nɛɬen nɛnɛkɛsɬ* «Собака укусила ребенка», 23) *Ksxoɛnk ntɬalkɬalɬen noɬen* «Собаки будут есть юколу», 24) *Isxoenk nɛalsɬen pɛɬal* «Отец возьмет шапку»).

Из сопоставления этих примеров и предложений (19) — (21) можно заметить, что глагол во всех этих предложениях оформлен одинаково префиксом *н-* и суффиксом *-чен*. Эта рамка передает значение 3-го лица субъекта действия при 3-м лице объекта; но мы тщетно стали бы искать эту форму в субъектно-объектных парадигмах ительменского языка — ее нет ни в парадигме, приводимой С. Н. Стебницким⁶, ни в позднейших парадигмах. Примеры (12) — (15) показывают, как выражается значение «он — его» в субъектно-объектных парадигмах ительменского языка: суффиксом *-нен* для I спряжения и суффиксом *-чицнен* для II спряжения.

Отсюда следует вывод, что, наряду с субъектно-объектной парадигмой, формы которой порождают предложения только «абсолютной» конструкции (почему эту парадигму и можно условно назвать «абсолютной»), в ительменском существует вторая субъектно-объектная парадигма, формы которой порождают предложения только «эргативной» конструкции (и эту вторую парадигму можно условно назвать «эргативной»).

3. Такая парадигма была выделена. В отличие от субъектно-объектной, «абсолютной» парадигмы, состоящей из 28 форм, «эргативная» парадигма состоит только из шести форм. Такое различие вызвано тем, что «абсолютная» парадигма — конкретно-личная (если иметь в виду лицо субъекта действия): в каждой ее форме имеется точное указание на лицо — число субъекта и лицо — число объекта; «эргативная» же парадигма — обобщенно-личная: в каждой ее форме имеется точное указание на лицо — число объекта действия, тогда как субъект указан в общей форме: «они», «кто-то». Поэтому форму «абсолютной» парадигмы *an'ɬp-nen* информант всегда переведет «они выучили его», а форму «эргативной» парадигмы *н-ан'ɬp-чен* — «его выучили».

Примеры, подобные (19) — (24), казалось бы, заставляют воздержаться от тезиса об обобщенно-личном характере предложений, порождаемых глаголом в форме на *н- /.../-чен*: во всех этих предложениях имеется конкретный субъект, выраженный именем в «эргативном» падеже. Однако тексты, записанные В. И. Иохельсоном в 1910—1911 гг.⁷, и наши собственные записи показывают, что этот субъект в форме на *-енк* ~ *-анк* — не о б я з а т е л ь н ы й член конструкции. Форма «эргативной» парадигмы на *н- /.../-чен* нормально порождает предложения без всякого субъекта,

⁴ Мы намеренно воздерживаемся от перевода предложений (19) — (21) пассивными оборотами типа «сын выучен отцом», чтобы избежать слишком грубых параллелей с русским языком, хотя, возможно, основания для этого имеются.

⁵ См.: С. Н. Стебницкий, указ. соч., стр. 103 (в примерах сохранена авторская транскрипция).

⁶ Там же, стр. 96.

⁷ «Kamchadal texts collected by W. Jochelson», ed. by D. S. Worth, The Hague, 1961.

Особенно ярко и отчетливо проявляется этот факт, когда мы сталкиваемся с текстами этнографического характера, где рассказывается о способах охоты, приготовления той или иной пищи, выделки того или иного предмета и т. п. В нашем распоряжении имеется несколько десятков таких коротких рассказов. Вот один из них — о приготовлении килыкила (одного из блюд традиционной ительменской кухни):

Текст: 1) Килэккил ёнсккзосчен ён'ч'ин айва'ан. 2) Нён'ч ёнкукатесчен ёнтозатесчен цонкенёззат'асченлил' нлинсатесчен хамл'хед'. 3) Хамл'х келила'ин нён'чеззатесчен нинил' нлинсатесчен килэккил. 4) Н'войке лем ёнсккзосчен айва'ан килэккил. 5) Картофе л'а'а'н лем ёнсккзусче'н киле'н. 6) Картофел'а'н ёнкукатесчен ёнтозатесчен нёззат'асчен цонке лил' нлинсатесчен хамл'хед'. 7) Киле'н ёнсккзосчен атнок синк ма' нветаткзоскчен.

Перевод: «1) Килыкил делают из рыбы (и) из мозгов. 2) Рыбу отваривают, растирают, кладут туда шикшу (болотная ягода), заливают жиром. 3) Нерпичий жир растапливают (и) обильно заливают килыкил. 4) Так же делают килыкил из мозгов. 5) Из картофеля тоже делают килыкил. 6) Картофель отваривают, растирают, кладут туда шикшу (и) заливают жиром. 7) Килыкил делают дома (и) в лесу, где работают».

В этом тексте 14 раз встречаются переходные глаголы, и все они оформлены префиксально-суффиксальной рамкой *н-.../-чен*, причем в каждом случае обязательно имеется объект действия, тогда как субъект ни разу не находит эксплицитного выражения. Называть субъект в данном случае не нужно: во-первых, он известен (им может быть всякий человек), во-вторых, субъект не важен (предметом рассказа является объект действия, который и выдвигается на передний план). В случае необходимости подчеркнуть, выделить субъект действия используется известная форма на *-енк ~ -анк*. Такая необходимость возникает не всегда, и поэтому в текстах примеры «эргативной» конструкции (т. е. предложения, в которых субъект действия выражен формой на *-енк ~ -анк*) весьма редки. Это и послужило первым толчком к тому, чтобы объявить «эргативную» конструкцию в ительменском «пережиточной».

4. Поскольку в «эргативной» парадигме субъект получает обобщенное выражение («кто-то», «они»), то естественно было сопоставить ее с субъектным рядом 3-го лица мн. числа. В сопоставлении обе парадигмы выглядят так:

Абсолютная парадигма
(субъект 3-го лица мн. числа)

1. *н-ан'чп-миң* «они выучили меня»
2. *н-ан'чп-ҫин* «они выучили тебя»
3. *н-ан'чп-нен* «они выучили его»
4. *н-ан'чп-ми'ң* «они выучили нас»
5. *н-ан'чп-схен* «они выучили вас»
6. *н-ан'чп-не'ң* «они выучили их»

«Эргативная» парадигма

- н-ан'чп-миң* «меня выучили»
- н-ан'чп-ҫин* «тебя выучили»
- н-ан'чп-чен* «его выучили»
- н-ан'чп-ми'ң* «нас выучили»
- н-ан'чп-схен* «вас выучили»
- н-ан'чп-че'ң* «их выучили»

Как видим, различия очень малы. Только в третьей объектной строке («они — его») «абсолютная» и «эргативная» парадигмы имеют различные формы — *н-.../-нен* и *н-.../-чен* соответственно; это же различие повторяется в шестой объектной строке («они — их»): *н-.../-не'ң* и *н-.../-че'ң* соответственно). Только в этих двух случаях по форме глагола можно однозначно судить о конструкции предложения. Во всех остальных объектных строках парадигмы формы одинаковы и могут порождать предложения как абсолютной, так и «эргативной» конструкции: 25) *Лилил'е'ң кѣмма нан'чпмиң* «Сестры выучили меня» (абсолютная конструк-

ция) и 26) *Лилихл'е'нк кѣмма нан'чпмиң* то же («эргативная» конструкция); 27) *Лилихл'е'н кѣзза нан'чпун* «Сестры выучили тебя» («абсолютная» конструкция) и 28) *Лилихл'е'нк кѣзза нан'чпун* (то же, «эргативная» конструкция).

Случаи подобного рода заставляли сделать вывод, что субъектно-объектная форма глагола в ительменском безразлична по отношению к порождаемой ею конструкции предложения. И все же «эргативная» и «абсолютная» парадигмы имеют четкое формальное различие в третьей объектной строке, т. е. в случае наиболее частотном, наиболее характерном для речи. Только в этом случае вместо местоимений может быть подставлено любое имя как для субъекта, так и для объекта действия (то же относится к шестой объектной строке). Все остальные объектные строки в обеих парадигмах ограничены со стороны объекта местоимениями строго определенного лица и числа. В текстах эти формы встречаются гораздо реже, и поэтому, вероятно, не было необходимости различать их специальными показателями в «абсолютной» и «эргативной» парадигмах.

Пристальный анализ позволяет усмотреть различие между обеими парадигмами во всех объектных строках. «Эргативная» парадигма реагирует на лицо субъекта (всегда 3-е), но безразлична к числу. В то же время соответствующие формы «абсолютной» парадигмы всегда передают значение субъекта 3-го лица мн. числа. Поэтому в (25) и (27) субъект всегда выступает во мн. числе (*лилихл'е'н*), и ед. число субъекта предполагает другое оформление глагола, тогда как в (26) и (28) субъект действия может быть выражен как формой мн. числа (*лилихл'е'нк*), так и формой ед. числа, и на оформлении глагола это не отразится: 29) *Лилихл'енк кѣмма нан'чпмиң* «Сестра выучила меня» («эргативная» конструкция, но: *Лилихл' кѣмма ан'чпмиң* то же, «абсолютная» конструкция); 30) *Лилихл'енк кѣзза нан'чпун* «Сестра выучила тебя» («эргативная» конструкция; но: *Лилихл' кѣзза ан'чпун* с тем же значением, «абсолютная» конструкция).

5. Итак, «эргативная» конструкция предложения в ительменском существует как конструкция с обобщенно-личным субъектом действия, т. е. субъектом только 3-го лица, который в случае необходимости вводится в структуру предложения в форме местн. падежа. Это значит, что при субъекте не-третьего лица, который выражается личным местоимением и потому всегда конкретен, «эргативная» конструкция в ительменском невозможна. Между тем в более ранних работах по ительменскому языку утверждалось, что личные местоимения, наряду с формой абс. падежа, имеют и форму «эргативного» падежа (С. Н. Стебницкий и Т. А. Молл называют его падежом действующего лица)⁸. Формы этого «падежа», в сопоставлении с формами абс. падежа, выглядят так:

Абсолютный падеж		Падеж действующего лица
<i>кѣмма</i>	«Я»	<i>кѣмѣн</i>
<i>кѣзза</i>	«ТЫ»	<i>кѣмѣн</i>
<i>ѣнна</i>	«ОН»	<i>ѣнеѣа</i>
<i>муза'н</i>	«МЫ»	<i>мѣмѣн</i>
<i>туза'н</i>	«ВЫ»	<i>тѣмѣн</i>
<i>итѣ</i>	«ОНИ»	<i>тѣ'ѣн</i>

Наличие подобных двух рядов форм сближает ительменский с другими чукотско-камчатскими языками, где формы эрг. падежа обозначают

⁸ С. Н. Стебницкий, указ. соч., стр. 92; Т. А. Молл, Очерк фонетики и морфологии седанкинского диалекта ительменского языка, «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 167, 1960, стр. 209.

субъект действия в предложениях эргативной конструкции [ср. чукотские примеры (1) и (7), корякские примеры (2) и (9)]. Между формами эрг. падежа других чукотско-камчатских языков и ительменского наблюдается даже известное материальное сходство. Все это первоначально также заставляло приписывать формам падежа действующего лица в ительменском ту же функцию, что и формам эрг. падежа личных местоимений в других чукотско-камчатских языках. Прежде эти формы были идентифицированы как формы эрг. падежа⁹: на первом этапе исследования ительменского синтаксиса они считались внешними признаками эргативной конструкции. Однако в текстах сразу же были обнаружены пары предложений, в которых субъект выражался либо формой абс. падежа, либо формой «эргативного»; 31) *Кэмма т'ан'чпчен тизуин п'е'н* «Я выучил ваших детей»; 32) *Кэмлвэн т'ан'чпчен тизуин п'е'н* (то же).

Полевые исследования подтвердили, что форма глагола совершенно не реагирует на то или иное оформление местоимения в функции субъекта действия. Это было отнесено на счет «разрушения» эргативной конструкции в ительменском и ее «вытеснения» абсолютной конструкцией, поскольку примеры типа (26), (28), (32) встречаются гораздо реже. Такое же объяснение получили следующие примеры: 33) *Кңаң кэзза кэлвэн кэмма и'лк к'енкхмиң кхтатмаң азанке*¹⁰ «Сразу ты (абс.) ты (эрг.) меня за уши бери, тащи (меня) наружу»; 34) *Ашно'н'чк Сисил'хан инеуа тешекзузнен нарта*¹¹ «На подъемах Сисильхан (абс.) он (эрг.) поднимал (все время) нарту». В этих примерах субъект действия выражен дважды — формой абс. падежа и формой «эргативного» падежа.

Позже были обнаружены такие примеры: 35) *Хол'а'н нил'кичен мзи лшун энникл'атакичен* «Парни ушли, (а) мы спать легли», 36) *Кэмма қа'м айқал' нукақ тскичен км'улш'н тпилүетескичен* «У меня есть нечего, я сам голодаю». Предложения (35) и (36) представляют собою примеры номинативной конструкции, со сказуемым — непереходным глаголом; и тем не менее, формы «эргативного» падежа оформляют здесь субъект состояния, т. е. выступают в совершенно несвойственной им функции. В других чукотско-камчатских языках подобное невозможно.

Примеры типа (35), (36) заставляют сделать вывод, что формы «эргативного» падежа личных местоимений в ительменском сопоставимы по функции скорее с абс. падежом, который обозначает субъект как при непереходном, так и при переходном глаголе. Между тем известно, что при глаголе «эргативной» парадигмы имя (resp. местоимение) в абс. падеже всегда обозначает объект действия: *энна нан'чпчен* «его выучили». Что же значит *инеуа нан'чпчен* — форма «эргативного» падежа местоимения при глаголе «эргативной» парадигмы? Как оказалось, она также обозначает объект действия: *инеуа нан'чпчен* переводится как «его самого выучили».

Итак, формы личных местоимений, называемые «падежом действующего лица», «эргативным падежом», не выполняют функций, присущих этим формам в других чукотско-камчатских языках. Они выполняют те же функции, что и формы абс. падежа, т. е. обозначают субъект при глаголе абсолютной парадигмы и объект при глаголе «эргативной» парадигмы. Отличие их от форм абс. падежа в том, что они обозначают подчеркнутое указание на лицо: *кэмлвэн* «я сам», *кэлвэн* «ты сам» и т. д. Следовательно,

⁹ См.: А. П. Володин, А. Н. Жукова, Ительменский язык, «Языки народов СССР», V, Л., 1968, стр. 339.

¹⁰ «Kamchadal texts...», стр. 137.

¹¹ Е. П. Орлова, Ительменские сказки. Тексты с переводами, [Л.], 1937 (стеклограф., ЛИНГФак ЛИФЛИ, на правах рукописи), стр. 37.

они не являются даже падежными формами, это скорее местоимение «сам», имеющее форму всех трех лиц. Если это так, значит, формы типа *кмэллээн*, *кэллээн* должны склоняться, как и формы типа *кэмма*, *кэзза* и др. Обнаружена только форма твор. падежа: *Кэзза кэллэнетл'?* — *Э кмэллэнетл'* «Ты одна? — Да, я одна» (буквально: «сама с собой»), *Энна шин'н'атл' сун'л'кэзуен*. «Он один (сам с собой) жил». Но уже и этого достаточно, на наш взгляд, чтобы считать формы *кмэллээн*, *кэллээн* принадлежащими падежной парадигме: аффикс падежа терминален, т. е. занимает самый последний порядок в цепи морфем, образующих словоформу существительного; приведенные же примеры показывают, что аффикс *-лээн* — нетерминальный аффикс.

6. Суммируя изложенное, можно наметить следующую схему соотношения различных конструкций предложения в ительменском языке ¹².

Имеются две исходные конструкции предложения — субъектная (двучленная) и субъектно-объектная (трехчленная). Субъектно-объектной конструкции противопоставляются две производных конструкции предложения. Обе эти конструкции двучленные, но при необходимости они могут быть распространены за счет введения в них необязательных компонентов. В каждом случае эти компоненты выражаются формами косвенных падежей.

6.1. Одна из этих конструкций может быть определена как субъектно-обобщеннообъектная. Она порождается непереходными глаголами, производными от переходных: *ан'чпа'л'кес* «учить, учительствовать» < *ан'чпес* «учить кого-л.», *инэнккес* «ловить, заниматься промыслом» < *энккес* «ловить, промысливать кого-л.» Ср. 37) *Иақйақ эн'ч энкчиңнен* «Чайка поймала рыбу» (субъектно-объектная конструкция) и 38) *Иақйақ қа'м эм киченк инэнккэзуен қиченк лем* «Чайка не только на реке промысливает (занимается ловлей), на море тоже» (субъектно-обобщеннообъектная конструкция).

В случае необходимости в эту последнюю конструкцию вводится компонент в косвенном падеже, уточняющий объект действия: 39) *Иақйақ эн'чел'инэнккэзуен* «Чайка (обычно) рыбой промысливает».

6.2. Другая двучленная конструкция, производная от субъектно-объектной, может быть определена как обобщенносубъектно-объектная. Она порождается тем же переходным глаголом, что и субъектно-объектная конструкция, но этот глагол выступает в форме специальной парадигмы (выше она условно именовалась «эргативной»): 40) *Эн'ч нэнккичен* «Рыбу поймали», ср. (37).

В случае необходимости в обобщенносубъектно-объектную конструкцию вводится компонент в косвенном падеже, уточняющий субъект действия: 41) *Иақйақанк нэн'ч нэнккичен* «Чайка рыбу поймала».

6.3. Следует отметить, что необязательные члены, вводимые как в обобщенносубъектно-объектную, так и в субъектно-обобщеннообъектную конструкции, оформляются одними и теми же падежами: твор. и местн. Дистрибуция этих падежей пока что до конца не выяснена. Можно только констатировать, что объект чаще всего вводится в форме твор. падежа, ср. (39); что же касается субъекта, то намечается тенденция оформлять местн. падежом субъект действия, когда в его роли выступает одушевленный предмет, и твор. падежом, когда в роли субъекта выступает неоду-

¹² Для того чтобы отчетливее показать характерные черты каждой конструкции, введем новые наименования для них. Так, конструкцию предложения с непереходным глаголом (традиционно именуемую номинативной) назовем по признаку наличия структурообразующего компонента субъектно-объектной; конструкцию с переходным глаголом (ранее всюду именуемую абсолютной) назовем субъектно-объектно-объектной. Тот же принцип положен в основу номинации производных конструкций.

формой прямого падежа, как и субъект в номинативной конструкции); б) специфическое оформление переходного глагола (классное объектное или субъектно-объектное спряжение).

По этим структурным признакам трехчленная (субъектно-объектная) конструкция предложения в ительменском может быть трактована как эргативная. Структура субъектно-объектного глагола в этой конструкции очень близка другим чукотско-камчатским языкам (вплоть до материального совпадения некоторых личных аффиксов); отсутствие специфического оформления субъекта обнаруживает типологическое сходство ительменского с некоторыми иберийско-кавказскими языками.

В то же время двучленная обобщенносубъектно-объектная конструкция, ранее ошибочно принимаемая за «классическую» эргативную, не находит себе соответствия в других чукотско-камчатских языках. Эта конструкция может быть трактована как пассивная (по отношению к трехчленной, которая в этом случае должна рассматриваться как активная) ¹⁵.

¹⁵ Ср. в этой связи: В. С. Храковский, Активные и пассивные конструкции в языках эргативного строя, ВЯ, 1972, 5.